

УДК 811.35

ББК 81.2

Т 46

Тихонова А.П.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: aza.tihonova@mail.ru

Проблемы рода и числа в хаттском и абхазо-адыгских языках (Рецензирована)

Аннотация:

Данное исследование представляет собой попытку доказать генетическое родство грамматического строя хаттского и абхазо-адыгских языков. В задачу исследования входит сравнение хаттских и абхазо-адыгских способов и средств выражения рода и числа. При этом исходим из предпосылки, что для установления родства двух или более языков (как древнеписьменных, так и современных) возможно сравнение не слов, а корневых лексических морфем с учетом темпа обновления базисного словаря, а также структурно-фонологического и грамматического расхождения родственных языков в зависимости от экстра- и интралингвистических факторов эволюции языка. При отборе слов для сопоставления во внимание принимаются закономерные звуковые соответствия гласных, и соответствия согласных в абхазо-адыгских языках по звонкости – глухости, мягкости – твердости и т.п. Хаттские слова или компоненты слов и их абхазо-адыгские соответствия считаются нами родственными, если совпадают их графическое написание и значение, взятое из хаттско-хеттской билингвы. При совпадении написания и отсутствии перевода значение хаттского слова или его компонентов восстанавливается через абхазо-адыгские языки. Хаттские слова даются в латинице, их абхазо-адыгские соответствия в кириллице. Материалом исследования послужили тексты билингв, содержащиеся в трудах Э. Форрера, А. Камменхубер и Г.С. Шустера. Анализ языковых способов и средств выражения рода и числа в хаттском и их абхазо-адыгских соответствий подтверждает родство данных языков на морфолого-словообразовательном уровне. Результаты исследования могут быть использованы при создании истории хаттского и абхазо-адыгских языков.

Ключевые слова:

Грамматический род, пол, окаменевший словообразовательный аффикс, грамматические классы вещей и человека, местоименно-притяжательный префикс, теоним.

Tikhonova A.P.

Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology Department, Adyghe State University; e-mail: aza.tihonova@mail.ru

Problems of gender and number in the Hattian and Abkhaz-Adyghe languages

Abstract:

This study is an attempt to prove the genetic relationship of the Hattian and the Abkhaz-Adyghe languages. The objective of the study is the comparison of Hattian and Ab-

khaz-Adyghe ways and means of expressing gender and number. Thereby we proceed from the premise that in order to establish the relationship of two or more languages (ancient as well as modern) it is possible to compare not only words but the root lexical morphemes given the pace of renovation of the basic vocabulary, as well as structural and phonological and grammatical differences in related languages, depending on the external and internal factors of the evolution of language. When selecting words for comparison we take into account legitimate sound correspondences of vowels and also consonants in the Abkhaz-Adyghe languages: voiced – voiceless, palatal – hard, etc. Hattian words or parts of words and their Abkhaz-Adyghe conformity are considered related if their graphic writing and the value taken from a Hattian bilingual match. At concurrence of writing and no transfer value a Hattian word or its components were restored through Abkhaz-Adyghe languages. Hattian words are given in Latin, their Abkhaz-Adyghe match – in the Cyrillic alphabet. The materials of the study were bilingual texts contained in the works of E. Forrer, A. Kammenhuber and G.S Shuster. The analysis of ways and means of expressing gender and number in the Hattian language and Abkhaz-Adyghe matches has confirmed the relationship of these languages on the morphological and word-formative level. The results may be used to create the history of the Abkhaz-Adyghe languages.

Keywords:

Grammatical gender, sex, petrified derivation affix, grammatical classes of things and human, a possessive prefix, theonym.

Как в хаттском языке, так и в современных абхазо-адыгских языках грамматический род отсутствует. Естественно-родовое (половое) различие людей и животных передается, как правило, лексически. При обозначении мужских и женских существ используются самые разные лексические единицы.

Например, в структуру теонима мужского пола *Eštan/Aštan* «бог солнца» (букв. ‘отец света’) входит слово *ta* «отец», а в теоним женского пола *Ašnan* «богиня солнца» – слово *nan* «мать». В кругу нарицательных имен половое различие также базируется на лексических единицах *ta* «отец» и *nanna* «мать». Ср. *tabarna* «правитель» и *tauananna* «правительница» Аналогичный пример обнаруживается и в современном адыгейском языке. Сравните: *аслъан* «лев» – *аслъан ан* «львица». Как считает К.С. Шакрыл, в древнем абхазском языке слово *ан* «мать» употреблялось со значением «самка», «производительница», как в слове *а’Еан* «кобыла» (букв. ‘лошадь-самка’) [1: 87].

Особо пристальное внимание исследователей привлек к себе элемент *h* как

показатель женского пола, установленный еще Э. Форрером (редкий тип словообразования, по словам А. Камменхубер): *katte* «царь» – *kattah* «царица» [2: 56]. Neben *kättē* «König» tritt vielfach *kattah* auf, wofür ich die Bedeutung «Königin» vermute. [2: 232]. Но Вяч.Вс. Иванов совершенно верно отождествил хаттское *h* с абхазским *-x* и адыгским *-хъ-у* в абхазском *анъ-х-а*, адыгском *п-хъ-у*, убыхском *рха* «дочь» [3: 594].

Более того, изучение хаттских текстов показало, что существует полная форма данного показателя женского пола в виде *-ha*, как в абхазском и убыхском языках. Сравните: хатт. *takkihal* «лев, герой» – *takkehha* «львица»; *antuhhil* «мужчина» – *antuhha* «женщина». А исчезновение конечного *-a* объясняется сдвигом ударения с последнего слога на предшествующий, что всегда сопровождается утратой конечного гласного, т.о. *kattah* < *kattahha*.

В современном адыгейском языке словообразовательный элемент *-хъ* встречается в словах *шыпхъу* «сестра», *пачьыхъэпхъу* «царевна». Примерами из абхазского языка могут послужить:

анху́тха «свояченица», а́нхуи́тха «внучка» (букв. ‘дочь сына’).

По мнению К.С. Шакрыла, формант *-ха/хъо* в абхазо-абазинской подгруппе и *-хъу* в адыгских языках представляет собой давно окаменевший словообразовательный аффикс, означавший существо женского пола [1: 86].

Э. Форер также выявил элемент *-el/-il* и отметил существование его разновидности *(i)-li* в названиях жителя города: *arinna-il* < *arinna-ili* «ариниец, житель города Аринны» Этот же элемент был им выделен в названиях ряда профессий (eine Reihe von Berufsamen) [2: 231]. Этот элемент соотносится с адыгским *лы* «мужчина» и является показателем мужского пола.

В хаттском языке этот словообразовательный элемент присутствует в названиях религиозных и придворных должностей, занимаемых мужчинами со значением «деятель мужского рода»:

mašš-iel «податель жара(углей) в ритуалах» ср. с абх. *машьа* «щипцы для захвата жара, угля, кочерга»;

ha-ggazu-el «чашник» (букв. ‘мужчина, наливающий пиво’): *ha* «напиток из ячменя, пиво» ср. с адыг. *хъэ* «ячмень», *игъэчъын* «дать чему-л. вытечь откуда-л.»;

Ku-du-i-li «хранитель души»: *ku* «душа», *du* «хранилище». Сравните с каб. *гу* «сердце, душа», *ду* «хранилище в виде сапетки для кукурузы в початках, кочанах».

В современном адыгейском языке данный словообразовательный суффикс также встречается в двух вариантах *лы* и *лI*: *тыл’ы* «невольник, раб», *зэ’олI* «боец», *мэз’ылI* «лесной (букв. ‘лесной человек’).

Таким образом, нет никаких оснований считать хаттский вариант *-li* хеттизированной формой суффикса *-el/-il*, как это делают некоторые исследователи. См. сопоставление хатт. *šahtaril* – хетт. *šahtarili* «цирюльник» [4: 43]. Оба варианта представляют собой чисто хаттское явление. См об этом подробнее [5: 281].

Суффикс *-et/it(i)* для обозначения существ женского пола, выявленный Э. Ляро-

шем [6: 208, 213-214]. Сравните. хатт. *arinn-it/arinn-itti* «ариннитка, жительница города Аринны», хатт. *Ka-it* «имя богини зерна».

Имена существительные в хаттском, поддающиеся счету, как и в современных адыго-абхазских языках, имеют два числа: единственное и множественное. Основным показателем множественного числа является суффикс *-h*: хатт. *le zu-h* «его одежды», *le štera-h* «его покрывала»: *a-an-tuh le-zu-h*, *le sterah*, *bala le- šepšep* «он взял его одежды, его покрывала, затем его сандалии». Предположительно этот суффикс являлся показателем собирательного множественного числа.

В современных адыгейском и кабардинском литературных языках показателем множественного числа является суффикс *-хэ*: *шы-хэ-р* «лошади», в диалектах *-х*. По данным С. Джанашиа, темирговеццы единогласно выделяют частицу *-р* как показатель определенности, а отсутствие такой частицы – как показатель неопределенности: *шы* – какая-то, неопределенная лошадь, *шыр* – определенная, известная собеседнику лошадь. В первом случае, как и в хаттском языке, множественное число образуется с помощью суффикса *-х*: *шы-х* – «лошади»; во втором случае – с помощью *-хэ*: *шы-хэ-р*. [7: 132].

Что касается префиксальных элементов в существительных типа *i-*, *le-/li-*, *š(e)/eš*, то они являются как показателями грамматического класса вещей, так и притяжательными показателями: *iwulašne* «хлеб, приносимый в жертву богам», *iškinaur* «медь», *eš-uur* «страна». Формант класса человека *w(a)* уже практически не встречается в хаттских текстах, что свидетельствует о том, что грамматическая категория классов становится сугубо семантической категорией, и в современных адыгских и убыхском языках эти форманты встречаются только в виде окаменелых префиксальных элементов: адыгейск. (хакучинский говор) *я[йа]мIэ* «глина», *йэчIыд* «папоротник», *йэклIай* «ольха» [8: 1, 12].

Л.Кочламазашвили полагает, что на рубеже III - II тыс. до н. э. трансформация морфологической системы хаттского языка приводит к деструкции и нивелировке грамматических классов и формант, обозначающих количество, присоединяется к именной основе [9: 29-30].

Однако местоименно-притяжательный (possessive) префикс *lie/le* в анализируемых нами текстах не может считаться показателем множественного числа, как полагал Э. Форер, так как он с равным успехом сочетается с именами как в единственном, так и во множественном числе: *lie uel* «его дом= его храм»; *lie sterah* «его покрывала». В современных абхазском и абазинском языках этот префикс является показателем 3 лица, единственного числа класса женщин: *аб* «отец» - *лаб* «ее отец».

Название предметов, состоящих из двух и более частей, в хаттском языке образуется с помощью редупликации: *šepšer* «сандалии, обувь» (pluralia tantum), *tunatuna* «камни фундамента, фундамент».

Множественное число в хаттском языке может также образовываться с помощью суффикса *-ua* с собирательным значением: *haturu-ua* «балки, круглые бревна». Сравните с абхазским показателем множественного числа *-куа*: *ауасакуа* «овцы».

В хаттском языке ряд существительных обладает собирательным значением, к таким именам можно отнести: *uur(u)* «страны», *uuakku* «войско/а», *karam(u)* «сосуд(ы)»; *ziiu* «горы», *pin(u)* «дети, сыновья». Причем форма и толкование этих слов далеко не однозначны. Существительное, обозначающее понятие «страны», употребляется в двух формах: *uur* – *uuru*. Если судить по хеттскому переводу, то форма *uur* была воспринята хеттским переводчиком как форма множественного числа: *ua-šapma eš-uur aš-kahhir šuuu* «боги странами они-правили». Это полностью согласуется с данными абхазской грамматики, где суффикс *-p(a)* (с огласовкой и без нее) толкуется как суффикс со-

бирательности: *a-Цар(a)* «птицы» [10: 44].

Наибольшие разночтения в хаттском языке вызывает слово *pin/bin – pinu/binu*. Пара слов *pin/ bin – pinu/ binu* может толковаться как сын – сыновья, ребенок – дети. Между тем *pinu/ binu* зачастую обозначает «сын». Эквивалент этого слова также имеет неоднозначное прочтение в адыгских языках. Ср. каб. *бын* имеет значения «дитя, дети, семья»: *бын пасэ* «ранний ребенок», *бын тлуацлэ* «сводные дети», *джэдкьурт бын* «многодетная семья»; адыгейск. *быны* имеет значения «семья, дети», при этом *-ы* зачастую опускается: *бын хэкьырэн* «не имеет детей», *бын шлагьу* «чудесная семья». Б.М. Карданов отмечает, что живая речь часто игнорирует форму множественного числа, и в силу этого целый ряд имен существительных употребляется только в одной форме. Сюда относятся (1) имена с вещественным значением: *хьэжыгьэ* «мука», *шэ* «молоко», (2) собирательные существительные *цлалэгьуалэ* «молодежь», (3) некоторые отвлеченные имена: *цлалагьэ* «молодость», (4) существительные типа *зэпсэльэгьу* «собеседники» [11: 1000].

Эта особенность кабардинского языка находится в полном соответствии с выводами А. Камменхубер о том, что «целый ряд хаттских имен вообще не образует множественного числа» [4: 62], точнее игнорирует его.

В хаттском языке к именам существительным с собирательным значением можно отнести имена, обозначающие группу лиц или предметов *ziiu* «горы», *pin(u)* «дети, сыновья».

Показателем множественного числа в хаттском языке также является суффикс *-ma* со значением «деятеля – лица, совершающего действие» (эргативный падеж) в хатт. *ua-šapma: ua-šapma eš-uur aš-kahhir šuuu* «верховные боги моими странами меня управлять поставили», что находит подтверждение в адыгейском языке. Как отмечает Г.В. Рогава, в адыгейском языке суффикс *-мэ* без суффикса множе-

ственного числа *-хэ* может выражать эргативный падеж множественного числа: *кIалэ-мэ, лыжьэ-мэ, шъуз-мэ* [12: 61]. Исследователи хаттского языка часто задаются вопросом, возможно ли образование множественного числа от существительных *katti/e* «царь» и *kattah* «царица». Отрывок текста, приводимый Э.Форером, позволяет дать положительный ответ на этот вопрос, поскольку суффикс *-na(li)* имеет соответствие в убыхском и абхазском языках. Например: хатт. *kattahnali kattah* «царица из цариц» (букв. 'из множества цариц царица') [2: 233]. В абхазском словаре зафиксирована лексическая единица

а-налакра «держать что-нибудь в какой-либо массе»; в диалектах она звучит как *а-наларара* «войти в массу». В своей книге «Язык убыхов» Дирр отмечает в убыхском суффикс множественного числа существительных *-na: тэзэ – тэзэна* «дитя-дети» [13: 14]. Вместе с тем, он отмечает, что этот способ мало используется. Он в основном латентный.

Как показал анализ фактического материала, морфологические показатели рода в хаттском и абхазо-адыгских языках обнаруживают поразительное сходство, что свидетельствует об их принадлежности к одной языковой семье.

Примечания:

1. Шакрыл К.С. Очерки по абхазо-адыгским-языкам. Сухуми: Алашара, 1971. 291 с.
2. Forrer E. Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches // ZDMG, N. F. I, 2. 1922. S. 174-179.
3. Иванов Вяч.Вс. Интерпретация хаттско-хеттского строительного ритуала (в свете данных внешнего сравнения) // Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 2. С. 581- 613.
4. Камменхубер А. Хаттский язык // Древние языки Малой Азии. М.: ПРОГРЕСС, 1980. С. 23-98.
5. Тихонова А.П. Хаттско-адыгские лексические параллели (лингвокультурный аспект языкового знака) // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2012. Вып. 1 (96). С. 278-284.
6. Laroche E. Hattic Deities and their epithets // Journal of Cuneiform Studies. 1947. Vol. 1, № 3. P. 187-216. URL: <http://www.jstor.org/stable/1359432>
7. Гишев Н.Т. От первых записей слов до начала научного изучения адыгейского языка (520 г. до н.э. – 1920-е годы н.э.). Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 160 с.
8. Рогава Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов вадыгских (черкесских) языках. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1956. 154 с.
9. Kochlamazashvili J. The Grammatical Class System and the Peculiarities of its reflection in a Hattian Nominal // IV International Symposium of Linguist- Caucasiologists. Tbilisi, 2015. P. 29-30. (in the Georgian language) / пер. с груз. А.Н. Абреговым.
10. Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология / Ш.К. Аристава, Х.С. Бгажба, М.М. Циколия [и др.]. Сухуми: Алашара, 1968. 204 с.
11. Карданов Б.М. Краткий грамматический очерк кабардино-черкесского языка // Русско-кабардино-черкесский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. С. 995-1054.
12. Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп: Краснодар. кн. изд-во, 1966. 462 с.
13. Dirr Adolf. Der Sprache der Ubychen. Leipzig Verlag der Asia Major, 1928. 134 S.

References:

1. Shakryl K.S. Essays on the Abkhazian-Adyghe languages. Sukhumi: Alashara, 1971. 291 pp.
2. Forrer E. Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches // ZDMG, N. F. I, 2. 1922. S. 174-179.
3. Ivanov Vyach.Vs. Interpretation of Hattian-Hittite building ritual (in the light of data of external comparison) // Proceedings of the Etymology of Indo-European and ancient Near Eastern languages. M.: Languages of Slavic Cultures, 2007. V. 2. P. 581- 613.
4. Kammenhuber A. Hattic language // The ancient languages of Asia Minor. M.: Progress, 1980, P. 23-98.
5. Tikhonova A.P. Hattian-Adyghe lexical parallels (lingvocultural aspect of a language sign) // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2012. Iss. 1 (96). P. 278-284. Maikop, 2012. №1(96) P.278-284.
6. Laroche E. Hattic Deities and their epithets // Journal of Cuneiform Studies. 1947. Vol. 1, No. 3. P. 187-216. URL: <http://www.jstor.org/stable/1359432>
7. Gishev N.T. From the first records of words prior to the scientific study of Circassian language (520 BC - 1920 AD). Maikop: Polygraph-South, 2009. 160 pp.
8. Rogava G.V. On the structure of nominal stems and categories of grammatical classes in the Adyghe (Circassian) language. Tbilisi: Publishing House of Georgian Academy of Sciences, 1956. 154 pp.
9. Kochlamazashvili L. The Grammatical Class System and the Peculiarities of its reflection in a Hattian Nominal // IV International Symposium of Linguist-Caucasiologists. Tbilisi, 2015. P. 29-30. (In the Georgian language) / Translation from Georgian into Russian is made by Doctor of Philology, Professor A. Abregov.
10. Grammar of the Abkhazian language. Phonetics and morphology / Aristava Sh.K., Bgazhba H.S., Tsikoliya M.M. [et al.]. Sukhumi: Alashara, 1968. 204 pp.
11. Kardanov B.M. A Concise Grammatical Essay of the Kabardian-Circassian Language // Russian-Kabardian-Circassian dictionary. M.: State publishing house of foreign and national dictionaries, 1959. P. 995-1054.
12. Rogava G.V., Kerasheva Z.I. Grammar of the Circassian language – Krasnodar, Maikop: Krasnodar Book Publishers, 1966. 462 pp.
13. Dirr Adolf. Der Sprache der Ubychen. Leipzig, Verlag der Asia Major. 1928. 134 s.